
Ф. А. РАЗАКОВ

ИСТОРИОГРАФИЯ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ С ГОСУДАРСТВАМИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В XVI–XIX ВЕКАХ

Статья посвящена отражению политико-дипломатических связей Османской империи с государствами Центральной Азии в XVI–XIX вв. в западноевропейской, советской и российской историографии. Показана разница в методах изучения этой темы в разных странах. Отмечается, что политизация тематики взаимоотношений Порты с центральноазиатскими ханствами отразилась на взглядах исследователей. Большинство из них изучали бухарско-персидские, бухарско-индийские отношения периода Бабуридов, бухарско-российские, османо-персидские, османо-российские связи в ракурсе соперничества великих держав за влияние в центральноазиатском регионе. В статье обращено внимание на определённые различия в научных изысканиях европейских, советских и российских историков. Сделан акцент на разнице в их источниковедческой базе, что повлияло на научные подходы учёных. Дается анализ работ, посвященных влиянию Блистательной Порты на Центральную Азию, а также контактам узбекских ханов с турецкими султанами, проблемам, возникавшим для паломников из Туркестана, и вопросам военно-политических союзов узбекских ханств с Османской империей. Исторические сочинения рассмотрены в хронологической последовательности развития взаимоотношений Османской империи с Центральной Азией в указанный период.

Ключевые слова: историография, источники, Османская империя, Туркестан, Бухара, Хорезм, Коканд, Кашгар, посланцы, миссия.

DOI: <https://doi.org/10.34920/1694-5794-2022.34.010>

Цитирование: Разаков Ф. А. Историография взаимоотношений Османской империи с государствами Центральной Азии в XVI–XIX веках // Вестник МИЦАИ. Вып. 34. Самарканд, 2022. С. 127–133.

ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ взаимоотношений Османской империи с государствами Центральной Азии началось ещё в XIX в. Причиной развития османистики в Европе и России стало обострение Восточного вопроса. Геополитические мотивы Турции стали вызывать новый интерес у исследователей (Чихачев 1970). К тому же продвижение России в Центральную Азию определенным образом показало роль и влияние Стамбула на Бухару, Хиву и Коканд.

Еще в конце XVI в. правитель государства Шейбанидов Абдулла-хан II (правил в 1583–1598 гг.) вёл дипломатические манёвры с турецким султаном Мурадом III (1574–1595) с целью создания союза против шахиншаха государства Сефевидов Аббаса I (1588–1629). Эти действия рассматривались как ответная реакция на персидско-хивинский союз против Бухары (Иванов 1958: 66). Австрийский историк-востоковед и дипломат

Йозеф фон Хаммер-Пургшталь (1774–1856) является одним из первых исследователей, изучавших шейбанидско-османские отношения. Он выдвинул мысль о том, что в начале XVI в. связи с Бухарой находились в числе приоритетных для турецких султанов, а их отношения с Абдулла-ханом II в 1580–90-е гг. имели характер соперничества за право называться наиболее влиятельным правителем мусульманского мира (Hammer-Purgstall 1827–1835: 4, 136, 424). Британский востоковед Клиффорд Эдмунд Босворт также указывает на союз между Шейбанидами и Османами против шиитской Персии (Bosworth 1967: 156). Заметки об этих контактах содержатся в труде Арминия Вамбери «История Бохары или Трансоксианы с древнейших времён до настоящего». В частности, он писал о наличии политического соглашения между Баязидом II (1481–1512) и Мухаммадом Шейбани-ханом (1500–1510) и отметил коорди-

нацию действий во время военных походов турков и узбеков против шаха Сефевидского государства Тахмаспа I (1524–1576). Имеются данные о письме шейбанидского царевича Абдулмумина¹ к османскому султану Мураду III (1574–1595), переданное бухарским послом, в котором Абдулмумин-хан хвалился своими военными успехами в Хорасане в 1582 г. и просил содействия турецкого султана, чтобы добить Сефевидов, а также указал на свои намерения захватить Ирак (*Вамберги* 1873: 35–41, 51).

Советский востоковед, профессор Николай Александрович Смирнов писал о важности Азова для Порты в целях поддержания связей с ханами Казахстана, Бухары и Хивы, а также о роли Астрахани как коридора в Центральную Азию (*Смирнов* 1946: 6, 93). О сотрудничестве Шейбанидов и Османов в борьбе с Сефевидами пишет в своей монографии профессор Йельского университета Адель Алуш (*Allouche* 1983). Российский тюрколог Вадим Трепавлов также касался связей Османской империи с ханствами Центральной Азии. Он утверждает, что Бухара являлась стратегическим союзником Порты в XVI в., и одним из главных предметов переговоров была разработка совместных ударов по Ирану (*Трепавлов* 2009). В другой работе он упоминает о дипломатической миссии османского посланца Ахмед-чауша, использовавшего путь через ногайские степи в Хорезм и Мавераннахр (*Трепавлов* 2002: 249). Французский тюрколог Жан Луи Бакье-Граммон в статье, посвящённой османскому списку принцев и уделов династии Абулхайридов, показал целенаправленность политики османского правительства в Мавераннахре в первой половине XVI в. (*Bacqué-Grammont* 1970: 423–453). Опираясь на архивные документы музея дворца Топкапы, этот автор указывает на особую роль Убайдуллы-хана I (1533–1539) в развитии альянса между Османами и Шейбанидами. В другой статье французский исследователь описал взаимоотношения османского султана Сулеймана I (1520–1564) с правителем Бухары Убайдуллой-ханом I на фоне эскалации османо-сефевидского военного конфликта (*Bacqué-Grammont* 1992: 485–504). Он констатирует, что с 1524 г. Убайдулла-хан, имея прерогативу Бухары, фактически руководил большой политикой и до официального вступления на престол совершил четыре военных похода на Хорасан против Сефевидов (*Bacqué-Grammont* 1992: 487). В своих выводах Бакье-Граммон опирается

на ряд османских документов из архива Топкапы, выделяя из них документы (E 6515) и (E 5905). Он указывает также на сложную коммуникацию между Бухарой и Османской империей, ставшую помехой для координации военных действий союзников против Сефевидов.

Связи Туркестана с Османской империей в контексте продвижения России на Восток в XVI–XVII вв. стали предметом исследования французского историка Элен Каррер д'Анкос, которая на материалах музея дворца Топкапы изучала последствия захвата Астрахани для торговли между Османской империей и Туркестаном (*Каррер д'Анкос* 2009). В своей статье она описала активное сотрудничество правителей Мавераннахра с Портой, вызванное в первую очередь наличием персидской угрозы с юга и завоеванием Астраханского ханства Иваном Грозным (1547–1584) в 1556 г. Каррер д'Анкос акцентирует внимание на послании узбекского царевича Джанибека ибн Абулхайра турецкому султану Селиму I Явузу с предложением заключить союз против Сефевидов. В статье не указана точная дата этого письма – отмечено лишь, что оно было отправлено до 1520 г. Другой правитель государства Шейбанидов Убайдулла-хан I проводил более активную деятельность по линии политико-дипломатических отношений с Портой. В своих посланиях правители Османской империи и Бухарского ханства неоднократно намекали друг другу на необходимость борьбы с шиитской ересью (*Каррер д'Анкос* 2009: 121–122). Опираясь на материалы архива дворца Топкапы, Каррер д'Анкос акцентирует внимание на том, сколь важным для Османской империи представлялось политическое единство Туркестана в контексте борьбы с Сефевидами. Э. Каррер д'Анкос также показала основные причины отсутствия этого единства: борьба Хорезма с Бухарой и двоевластие в Мавераннахре после смерти Абдулла-хана I в 1540 г. (*Каррер д'Анкос* 2009: 122–123). Исследовательница пишет о последствиях взятия русскими Астрахани в 1556 г. и о том, как это событие повлияло на ход дальнейшего развития взаимоотношений государств Центральной Азии с Османским халифатом. Она показала, как закрытие северных маршрутов после крушения Астраханского ханства консолидировало враждебных друг к другу Хиву и Бухару. Узбекские ханства отправляли посланников в Стамбул к турецким султанам с просьбами освободить Астрахань от русских во имя восстановления практически единственного на тот период безопасного пути в Мекку и Медину для паломников из Туркестана. В заключение Э. Каррер д'Анкос констатирует, что с 1588 г. Османская империя отвернулась от Центральной Азии в

¹ В 1582 г. Абдулмумин-хан (1568–1598) был объявлен престолонаследником, с 1583 г. носил титул «младшего хана», а в 1598 г. стал верховным правителем Бухары, но через полгода был убит в результате заговора.

пользу усиления связей с Европой (*Karper d'Ankos* 2009: 139). Большая часть её тезисов основана на османских источниках - так называемых «Реестрах важных дел» (*Mühimme Defterleri*).

Последствия ликвидации Астраханского ханства и развития традиционных связей Османской империи и Центральной Азии были изучены известными французскими исследователями Шанталем Лемерсье-Келькеже и Александром Беннигсеном. Ученые опирались на архивные документы дворца музея Топкапы и канцелярии премьер-министра Турции (*Беннигсен, Лемерсье-Келькеже* 2009). По мнению этих авторов, территория Ногайской орды имела важное стратегическое значение для политики турецких султанов в Центральной Азии. Через земли ногайцев пролегали важнейшие на тот период маршруты между Портой и Туркестаном. В статье показаны уровень важности политической обстановки в Бухарском ханстве для Османской империи и то, как щепетильно относились турецкие султаны ко всем посольствам из Мавераннахра, как внимательно изучали каждую просьбу узбекских ханов. В работе описаны посольские отношения Навруз-Ахмад-хана (1552–1556) с турецким султаном и прибытие в Мавераннахр турецких янычаров. Захват Астрахани русскими отрицательно повлиял на связи Порты с Центральной Азией, и авторы в качестве доказательства приводят пример из миссии Сеид Али Реиса – турецкого адмирала, побывавшего в Мавераннахре и Хорезме в середине XVI в. После падения Астрахани в 1556 г. ему не удалось воспользоваться маршрутом через астраханские и ногайские земли для возвращения в Стамбул. Кроме того, в работе описана судьба янычаров, отправленных Портой к Шейбанидам (*Беннигсен, Лемерсье-Келькеже* 2009: 112–113).

Попытки правителя Бухары Абдулла-хана II вернуть Астрахань и восстановить северные каналы торговли и паломничества на Запад были проанализированы в совместной статье Александра Беннигсена и Михни Бериндея (*Беннигсен, Бериндей* 2009). Уникальность их работы заключается в том, что, среди первоисточников были использованы отчеты венецианских послов, проживавших в Стамбуле. Авторы показали, как итальянцы отправляли донесения о военно-политических отношениях между Османской империей и Сефевидским Ираном, об уровне дипломатической активности Порты с Бухарой, Крымом и ногайцами. В их статье рассказывается о миссии бухарского посольства в Стамбул в 1587 г., главной задачей которой была организация военной кампании по освобождению Астрахани с целью восстановления северного маршрута в Мекку для

паломников из Туркестана, а также ради создания форпоста против Ирана на северном побережье Каспия. Взаимоотношения Османской империи с Бухарским ханством показаны на фоне геополитических перемен в степях между Каспийским и Чёрным морями. По мнению авторов, инициатором планировавшегося похода на Астрахань являлся Абдулла-хан II. В статье подробно описаны дипломатические переговоры между представителями Порты, Бухары, Крыма и Ногайского улуса с целью создания альянса против Московского государства. После серии переговоров союзники запланировали военный поход на Астрахань на 1588 г. Однако, разорение запорожскими казаками земель вокруг турецкой крепости Ачи-кале (Очаков) на берегу Чёрного моря, ухудшение отношений с Польшей и активизация боевых действий в Хорасане между Сефевидами и Шейбанидами стали причиной отмены этой кампании (*Беннигсен, Бериндей* 2009: 212–213).

О негативных последствиях завоевания Астрахани Иваном Грозным для паломников из Центральной Азии свидетельствует и такой интересный факт. Потомок Ходжа Ахмада Ясави, авторитетный туркестанский улем Шейх Зенги возвращался из хаджа, пересекая Чёрное море и дойдя до Кафы, дальше двигался по северному маршруту, проходившему через степи современной Южной Украины и России. Турецкие султаны возлагали ответственность за безопасность паломников из Туркестана на крымских ханов. Самым опасным отрезком северного маршрута являлись низовья Волги. Посланники узбекских ханств часто поднимали вопросы безопасности для паломников и призывали турков к скорейшему освобождению Астрахани от неверных. Известно письмо турецкого султана Селима II (1566–1574) хану Хорезма, в котором султан обещал помочь с освобождением задержанных в Иране хорезмских паломников. Кроме того, Селим II сообщил хану о своём решении отвоевать Астрахань (*Беннигсен* 2009: 153). Французский исследователь в своей работе также затронул тему переговоров, проводившихся в 1587 г. между Абдулла-ханом II с султаном Мурадом III по поводу освобождения Астрахани от русских (*Беннигсен* 2009: 165–166). В качестве источниковедческой базы А. Беннигсен использовал в основном данные Хатти-Хумаюн² из «Реестров важных дел».

Одри Бёртон в своей монографии рассмотрела историю дипломатии и торговли Бухарского ханства в XVI – начале XVIII вв. (*Burton* 1997).

² Хатти-Хумаюн – специальные послания и указы османских султанов.

Она описала периоды правления Шейбанидов и Аштарханидов в Бухаре на базе западных источников и частично материалов российских библиотек. Исследовательница указывает на авторитетное положение Бухары в международной дипломатии и торговле. Активная внешняя политика Бухары вызывала опасения у соседних государств. О. Бёртон косвенно касается связей Османской империи с Шейбанидами и Аштарханидами, рассматривая их в контексте противостояния Турции и Ирана в XVI–XVII вв. В другой работе О. Бёртон показала непосредственные дипломатические отношения Бухарского ханства с Османской Турцией (*Burton 1990–1991: 83–103*). По её мнению, наличие у Бухарского ханства таких недружественных соседей, как Иран, Хорезм и Индия, вынуждало Шейбанидов и Аштарханидов постоянно держать связи с турецкими султанами, имевших весомый авторитет в мусульманском мире. Расстояние между Бухарским ханством и Портой было одним из факторов, влиявшим на качество и ход развития взаимоотношений двух государств. О. Бёртон подчеркнула весомый вклад Навруза Ахмад-хана и Абдулла-хана II в развитие двухсторонних отношений между Бухарой и Портой. В целом в работе английской исследовательницы можно увидеть глубокий и качественный анализ взаимоотношений Бухары с Османской империей. Её источниковедческой базой явились труды османских, иранских и среднеазиатских средневековых историков.

В мае 1876 г. будущий выдающийся военный востоковед и государственный деятель Алексей Николаевич Куропаткин, тогда еще в чине штабс-капитана, был отправлен во главе посольства в Кашгар к Магомету Якуб-беку Бадаулету (1865–1877) – правителю эмирата Йетишар (Джетишаар, Семиречье) в Восточном Туркестане – для установления границ его владений с Ферганой, в тот год вошедшей в состав Российской империи. Спустя три года был издан его капитальный труд, в котором отмечена и деятельность турецких военных инструкторов в Йетишаре. По сведениям Куропаткина, турки принимали непосредственное участие в модернизации стрелковых и артиллерийских орудий. Например, завод по производству капсюлей для винтовок курировался непосредственно турецким офицером (*Куропаткин 1879: 162, 180, 198*). Тем не менее, несмотря на весомый вклад турок в развитие военных технологий кашгарцев, российский специалист пришел к выводу, что влияние Османской империи в регионе было номинальным (*Куропаткин 1879: 166*).

Посольские сношения Коканда и Кашгара с Османской империей затронул и английский

историк Деметриус Чарльз Будджер. Он описал дипломатические миссии Сайида Якуб-хана Туры, который сначала, в 1854 г., посетил Стамбул в качестве секретаря посланника Мирзы Джан-Эфенди от фактического на то время правителя Кокандского ханства Малла-хана (1858–1862). Его дальнейшие визиты в Стамбул происходили уже в качестве посланника от имени правителя Коканда Худояр-хана (1845–1858; 1862–1863; 1865–1875) и правителя Кашгара Якуб-бека. Сайид Якуб-хан имел тёплые отношения с турецким султаном Абдулазизом (1861–1876) и в Стамбуле являлся почтеннейшим послом из Туркестана. Его авторитет пошел на пользу Якуб-беку, которому удалось заручиться поддержкой турецкого султана и даже стать его вассалом (*Boulger 1878: 170–172*).

Большой вклад в изучение отношений Османской империи с узбекскими ханствами в XIX в. внёс советский историк Нафтула Аронович Халфин. В 1945–1956 гг. он являлся директором Центрального государственного архива Узбекской ССР, преподавал в Среднеазиатском государственном университете (ныне Национальный университет Узбекистана) и работал в Институте истории и археологии Академии наук УзССР. Используя доступные ему материалы, главным образом из Центрального государственного военно-исторического архива СССР и Центрального государственного исторического архива УзССР и будучи специалистом по Афганистану, он попытался дать характеристику политике Османской империи в Центральной Азии через призму британской колониальной политики в отношении Афганистана и узбекских ханств. Халфин пришёл к выводу, что активность турецких эмиссаров и пропаганда идей мусульманской солидарности была прикрытием для деятельности английских агентов, конечной целью которых являлось превращение всего Туркестана в английскую колонию и установление здесь британского владычества. Особенно активно, по мнению автора, антирусская пропаганда велась в период Крымской войны и в период российского завоевания Центральной Азии. По мнению Н. А. Халфина, в различных политических ситуациях и исторических условиях англо-турецкая агентура ориентировалась на то или иное ханство, а также стремилась вовлечь в конфликт Афганистан и Кашгар. Идеологическая и политическая активность Османской империи и «стоявших за её спиной британских империалистов» не принесла ожидаемых результатов. Англия и Турция смогли привлечь на свою сторону лишь духовенство и феодальную знать, но среди народов Туркестана они не нашли широкой поддержки (*Халфин 1957:*

43–44). Автор рассматривал взаимоотношения ханств Центральной Азии с Османской империей только с точки зрения внешней экспансии, без учёта возможности того, что Османская империя имела свои интересы и пыталась таким образом сохранить и усилить те традиционные связи с регионом, которые могли быть нарушены в ходе борьбы великих держав. Н. А. Халфин затрагивал тему связей Османской империи с государствами Центральной Азии и в своей монографии (*Халфин* 1965).

Вопрос взаимоотношений османских султанов и правителей узбекских ханств затронут в исследовании советско-российского востоковеда Иры Львовны Фадеевой «Официальные доктрины в идеологии и политике Османской империи (османизм-панисламизм)». И. Фадеева рассматривает взаимосвязь между официальной идеологической доктриной и её осуществлением на практике, в международных отношениях с другими мусульманскими странами. Это исследование показывает значение и авторитет халифа среди мусульманских государей именно в последней четверти XIX в., что было связано с процессом «возрождения Востока». И. Л. Фадеева опирается на целый ряд документов Архива внешней политики Российской империи, где отмечается возросший авторитет султана за пределами Османской империи и говорится о ряде посольств к нему из ханств Центральной Азии, а также от мусульманских владык Юго-Восточной Азии. Автор прослеживает трансформацию официальной идеологии Османского государства и делает также некоторые выводы, касающиеся его взаимоотношений со странами Центральной Азии. В частности, И. Фадеева утверждает, что наиболее консервативные османские министры были озадачены просьбами посланников о материальной помощи, поскольку, в силу финансово-экономической слабости Османской империи, они не могли оказать таковой. А это, естественно, преуменьшало в глазах среднеазиатских посланников величие и могущество султана как единственного суверенного мусульманского правителя того времени (*Фадеева* 1985: 113–114).

Другой российский востоковед Илья Владимирович Зайцев описал поездку кокандских послов в Стамбул. Посольская миссия кокандцев имела место в 1838–1840 гг. и была вызвана опасным положением Кокандского ханства, окружённого врагами в лице России, Китая и Бухарского эмирата. Учитывая нестабильное положение в Туркестане, кокандцы просили у турецкого султана военно-политической поддержки (*Зайцев* 2006: 192). Этот исследователь проанализировал исламские рукописи из московского архива, срав-

нив их с несколькими документами из османского архива. Он также отметил наличие связей Коканда с Османской империей после установления Российского протектората в регионе.

Масштабную работу по изучению взаимоотношений Османской империи и государств Центральной Азии проводит российский востоковед нового поколения Александр Дмитриевич Васильев. Имея филологическую подготовку по турецкому и персидскому языкам, он активно использует документы, дипломатические акты и мемуары из различных османских архивов. Среди его источников – документы послов Российской империи и европейских государств, проживавших в Стамбуле во время специальных дипломатических миссий. А. Д. Васильев подробно пишет о факторах, способствовавших союзу узбекских ханств с Османской империей, а также о причинах, препятствовавших более эффективному сотрудничеству между ними. В его монографии описаны дипломатические отношения Османской империи с Бухарой, Хивой, Кокандом, Кашгаром и Афганистаном (*Васильев* 2014: 112–227). В других публикациях он касался отдельно кашгаро-османских взаимоотношений в 1860–1880 гг. (*Васильев* 2015; 2016). Этот автор наглядно показал, как сильно зависели узбекские ханства от внешней помощи накануне и во время военного вторжения России. Все их попытки заручиться материальной и военной поддержкой Турции закончились безрезультатно. Единственным государством, которому удалось получить реальную поддержку османского султана во второй половине XIX в., стала Кашгария. Исследователь описывает историю отношений государств Центральной Азии с Портой в ракурсе важных политических событий, происходивших в мире.

А. Д. Васильев утверждает, что Турция не смогла удовлетворить требования Коканда, Бухары и Хивы в военной помощи, так как не хотела обострять отношения с Россией и не видела пользы от такой поддержки ни для себя, ни для ханств Центральной Азии. Протекторат Османского государства над Кашгаром оказался чисто номинальным. Стамбул был не в состоянии контролировать своего вассала и покровительствовать ему. По мнению А. Васильева, официальные дипломатические и политические отношения завершились в 1868 г. с Кокандом, в 1873 г. – с Бухарой и Хивой. В последующие годы отношения Порты с государствами Центральной Азии развивались только в подпольном русле при участии торговцев, паломников, дервишей и специальных агентов. Ещё одной отличительной чертой трудов А. Д. Васильева является то, что в его работах в качестве первоисточников были использованы

материалы Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ). Его работы стали крупнейшим достижением в изучении политических, дипломатических и культурных связей Османской империи с государствами Центральной Азии в постсоветской России.

Примечательна статья востоковеда Владимира Петровича Литвинова из Елецкого государственного университета им. И. А. Бунина, посвященная пропагандистской работе турецких агентов вокруг сакральных мест в Центральной Азии (Литвинов 2016). Автор утверждает, что антироссийская деятельность турецкой агентуры началась с 1830-х гг., когда царское правительство начало создавать форты на северо-западном побережье Каспийского моря. Он упоминает антироссийские восстания казахов и туркмен, считая эти акты результатом работ турецких провокаторов. Но это явное преувеличение. Обстановка в регионе была намного более сложной, и привязывать все народные выступления к результатам деятельности османских агентов – это сильно упрощать картину. По мнению исследователя, главную роль в антироссийской деятельности в Туркестане играли муллы, имамы, дервиши. В статье описаны действия русской администрации по противодействию турецким агентам. Автор признает, что царским властям не удалось вырвать с корнем турецкую агентуру из государственной и общественно-политической жизни края и свести на нет всю её подрывную деятельность. Статья В. П. Литвинова выражает определенную тенденцию в современной российской исторической науке и не свободна от эмоциональной лексики, что, впрочем, вполне объяснимо, если принять во внимание, что она вышла в свет в тот период, когда отношения между Российской Федерацией и Турецкой Республикой оказались на критически

низком уровне на фоне дипломатического кризиса после сбитого турецкими ВВС российского военного самолёта в небе над Сирией в ноябре 2015 г.

Лишь малая часть вышеназванных работ является результатом непосредственного изучения истории связей Османской империи с государствами Центральной Азии. Есть огромная разница в методологических подходах исследователей Западной Европы, СССР и современной России, а также в их источниковедческих ресурсах. Основным источником для изучения этой темы являются данные Государственного архива премьер-министра Турецкой республики (Т.С. Başbakanlık Devlet Arşivleri Genel Müdürlüğü). Исследователи XIX в. и советские историки написали свои работы, не процитировав ни одного документа из Османского архива. Это можно объяснить тем, что, во-первых, большинство авторов затрагивали взаимоотношения Порты с государствами Центральной Азии лишь косвенно. Во-вторых, у советских востоковедов просто не было возможности посещать Османский архив в Стамбуле по причине далеко не дружественных отношений между СССР и Турцией. Продуктивное использование османских документов можно видеть в трудах таких историков, как А. Беннигсен, М. Бериндей, Ш. Лемерсье-Келькеже, Э. Каррер д'Анкос и А. Д. Васильев. Османские архивные документы являются основным, но далеко не единственным хранилищем документов, раскрывающих все аспекты истории взаимоотношений Османской империи с государствами Центральной Азии.. Ярким тому примером служат работы Одри Бёртон. Остается признать, что еще очень много источников на восточных языках по узбекским ханствам до сих пор мало изучены и не затронуты в современных исследованиях.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Беннигсен 2009 – Беннигсен А. Турецкий поход на Астрахань в 1569 г. по материалам «Реестров важных дел» Османского архива // Восточная Европа Средневековья и раннего Нового времени глазами французских историков-Казань, 2009. С. 145–166.
- Беннигсен, Бериндей 2009 – Беннигсен А., Бериндей М. Астрахань и политика в степях Северного Причерноморья (1587–1588 гг.) // Восточная Европа Средневековья и раннего Нового времени глазами французских историков-Ка-

зань, 2009. С. 194–213.

Беннигсен, Лемерсье-Келькеже 2009 – Беннигсен А., Лемерсье-Келькеже Ш. Большая Ногайская Орда и проблема контактов между Османской империей и Центральной Азией в 1552–1556 гг. // Восточная Европа Средневековья и раннего Нового времени глазами французских историков-Казань, 2009. С. 86–115.

Вамбери 1873 – Вамбери А. История Бохары или Трансоксиании с древнейших времен до настоящего. Перевод А. И. Павловского. Том II. СПб., 1873.

Васильев 2014 – Васильев А. Д. «Знамя и Меч от Падишаха». Политические и культурные кон-

- такты ханств Центральной Азии и Османской империи (середина XVI – начало XX вв.). М.: Институт востоковедения РАН, 2014.
- Васильев 2015 – Васильев А. Д. Османская империя и «Большая Игра» в Кашгаре (1865-1878) // Исторический вестник. Россия и Исламский Мир. Том 11 (158). М., 2015. С. 224–250.
- Васильев 2016 – Васильев А. Д. Османский протекторат и российская политика в Кашгаре в 70-х – начале 80-х гг. XIX вв. // Мир большого Алтая 2(2.2). 2016. С. 373–384.
- Зайцев 2006 – Зайцев И. В. Кокандец в Стамбуле (Из Коканда «прелестного» в «вилайет Исламбол»: две московские рукописи и кокандская миссия в Стамбул в 1838-1840 гг.) // Тюркологический сборник 2005. М.: Восточная литература, 2006. С. 189–194.
- Иванов 1958 – Иванов П. П. Очерки по истории Средней Азии. М.: Изд-во вост. лит., 1958.
- Каррер д'Анкос 2009 – Каррер д'Анкос Э. Торговые пути Центральной Азии и попытки отвоения Астрахани // Восточная Европа Средневековья и раннего Нового времени глазами французских историков. Казань, 2009. С. 116–144.
- Куропаткин 1879 – Куропаткин А. Н. Кашгария. Историко-географический очерк страны, её военные силы, промышленность и торговля. СПб.: ИРГО, 1879.
- Литвинов 2016 – Литвинов В. П. «Святые места» мусульман Туркестана как центры антироссийской деятельности турецкой агентуры (вторая половина XIX-начало XX в.) // Вестник РУДН, № 2, серия «История России», 2016. С. 55–65.
- Смирнов 1946 – Смирнов Н. А. Россия и Турция в XVI–XVII вв. Том I. М.: Изд-во МГУ, 1946.
- Трепавлов 2002 – Трепавлов В. В. История Ногайской Орды. М.: Восточная литература, 2002.
- Трепавлов 2009 – Трепавлов В. В. Тюркские народы Евразии и Османская империя в XVI в. // Восточная Европа Средневековья и раннего Нового времени глазами французских историков. Казань, 2009. С. 7–34.
- Фадеева 1985 – Фадеева И. Л. Официальные доктрины в идеологии и политике Османской империи (Османизм-панисламизм). М.: Наука, 1985.
- Халфин 1965 – Халфин Н. А. Присоединение Средней Азии к России. М.: Наука, 1965.
- Халфин 1957 – Халфин Н. А. Султанская Турция и английская экспансия в Средней Азии (50-80 гг XIX в.) // Труды САГУ. Новая серия. Вып. 94. Кн. 14. Ташкент, 1957. С. 29–45.
- Чихачев 1970 – Чихачев П. А. Великие державы и Восточный вопрос. М.: Наука, 1970.
- Allouche 1983 – Allouche A. The Origins and Development of the Ottoman-Safavid Conflict. (906–962/1500–1555). Berlin: Klaus Schwarz Verlag, 1983.
- Bacqué-Grammont 1970 – Bacqué-Grammont J. L. Une liste ottomane de princes et d'apanages Abu'l-Khayrides. In: Cahiers du monde russe et soviétique, vol. 11, n°3, Juillet-septembre 1970. pp. 423–453. URL: persee.fr/doc/cmr_0008-0160_1970_num_11_3_1817.
- Bacqué-Grammont 1992 – Bacqué-Grammont J. L. Ubaydu-lláh Han de Boukhara et Soliman le Magnifique. Sur quelques pièces de correspondance. Études turco-safavides, XVII», Soliman le Magnifique et son temps. Actes du Colloque de Paris, Galeries Nationales du Grand Palais, 7–10 mars 1990, éd. Gilles Veinstein, École du Louvre, École des Hautes Études en Sciences Sociales, Paris, La Documentation Française, 1992, p. 485–504.
- Bosworth 1967 – Bosworth C. E. The Islamic Dynasties. A Chronological and genealogical handbook. Edinburgh: University Press, 1967.
- Boulger 1878 – Boulger D. C. The life of Yakoob-Beg: Athalik Ghazi and Badaulet: Ameer of Kashgar. London: W. H. Allen & co., 1878.
- Burton 1997 – Burton A. The Bukharans: A Dynastic, Diplomatic and Commercial History. 1550–1702. Richmond: Curzon Press, 1997.
- Burton 1990–1991 – Burton A. Relations between the khanate of Bukhara and Ottoman Turkey, 1558–1702. // IJTS. V-5, № 1-2, University of Wisconsin. 1990-1991. P. 83–103.
- Hammer-Purgstall 1827–1835 – Hammer-Purgstall J. Geschichte des osmanischen Reiches grossenteils aus bisher unbenutzten Handschriften und Archivendurch Joseph von Hammer. Pesth: 1827–1835. Bd. 3.